
Р. В. ЧУБАРОВА

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНА

Древняя история Сахалина до последнего времени была совершенно не изучена и оставалась областью догадок. Между тем она давно интересовала многих исследователей, занимающихся вопросами древней истории Дальнего Востока и северной части Тихого океана. Древние жители острова были связаны различными взаимоотношениями хозяйственного, культурного, а иногда и генетического характера с современными им жителями смежных частей материка и более или менее близких островов. Поэтому история древних обитателей Сахалина является неотъемлемой частью истории обширного района тихоокеанского севера, без которой картина истории этой части азиатского континента была бы неполной, а многие ее вопросы неразрешенными. Именно в этом плане освещались обычно вопросы древней истории Сахалина. Специально Сахалином занимались сравнительно немногие, в основном русские исследователи (И. А. Лопатин, Б. О. Пилсудский, М. М. Добротворский, Л. Я. Штернберг и др). К тому же и они затрагивали лишь некоторые вопросы общей этнографии и лингвистики поздних насельников острова, т. е. такие области знания, которые, не будучи основаны на результатах археологических и антропологических исследований, давали материал лишь для гипотетических построений довольно общего характера. Очень слабо была разработана археология острова, которая одна в данных условиях могла стать основной для суждений об уровне культуры, развития хозяйства, образе жизни древних обитателей острова, а также для разрешения вопросов этногенеза.

Археологические исследования Сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР, проводившиеся в течение ряда последних лет, позволили посмотреть на многие вопросы истории древних насельников острова с новой точки зрения. Было исследовано 15 стоянок в южной и средней частях острова — в Корсаковском, Анивском, Невельском, Долинском, Поронайском районах.

Стратиграфические данные и материалы этих стоянок помогли разобраться в археологических коллекциях, хранящихся в музее г. Южно-Сахалинска, и датировать их более или менее точно. Изучение всех этих материалов и коллекций дало возможность наметить основные этапы развития культуры древнего населения Сахалина и связи его как с современным ему населением смежных частей материка и ближайших островов, так и с теми народностями, которые еще недавно населяли Сахалин. Имеются три хронологических этапа развития материальной культуры древних жителей острова, каждый из которых представлен материалами нескольких стоянок.

Древнейший из известных нам этапов характеризует эпоху развитого неолита на Сахалине и датируется концом II—I тысячелетием до н. э. Он представлен керамическим, каменным и костяным материалом двух раскопанных нами стоянок — Стародубское II и Сусуйская, каждая из которых свидетельствует об особой фазе развития внутри одного этапа, а также

материалами нескольких стоянок, открытых на юге и севере Сахалина, хранящимися в музеях Ленинграда и Южно-Сахалинска.

На стоянке Стародубское II, характеризующей древнейшую фазу этапа, выявлен в основном керамический и каменный инвентарь.

Керамический материал состоит из сосудов грязно-желтого или темно-серого цвета хорошего обжига, с примесью песка и гальки к хорошо промешанной глине. Сосуды эти, в основном, остро- или круглодонные и всегда без накладных венчиков. Орнамент расположен неширокой полосой, обычно чуть ниже верхнего края. Встречаются гребенчатый, веревочный, штамповый, изредка — ямочный и резной виды орнамента. Особенно богаты и разнообразны узоры из гребенчатых и веревочных оттисков. Специфичны гребенчатые оттиски в виде удлиненной запятой, подково- и миндалеобразные, и гладкие, в виде удлиненного столбика с тремя шарообразными вздутиями, запятой, цифры 8 и ложкообразные. Вевочные оттиски образуют горизонтальные полосы, часто в комбинации с вертикальными и наклонными; иногда полосы изогнуты волнообразно или в виде запятой и подковы.

Очень богат каменный инвентарь. Этот этап был периодом расцвета техники обработки каменных орудий. При этом одновременно была развита и техника скола, и техника шлифования камня. Представлены в большом количестве прекрасно отшлифованные каменные топоры и долота, тонко отретушированные наконечники стрел и копий, ножи и скребки. Намечается шесть видов топоров, из которых особенно характерны четыре: топоры-клинья, это оригинальная сахалинская форма топоров; топоры плоские, прямоугольные по очертаниям и в сечении, близкие к типу топоров из Северного Китая, названному Андерсоном (Johann G. Andersson) «северным»; топоры удлиненной четырехугольной или трапецевидной формы, овальные в сечении; топоры, оформленные в основном только техникой сколов, удлиненные, с заостренным обушком, обычно неправильно овальные в поперечном сечении.

Намечается также несколько видов долот. Интересны маленькие стамескообразные тесла. Много скребков. Есть каменные шлифованные кольца. Среди разнообразных наконечников стрел и наконечников копий наиболее часто встречаются наконечники треугольной, листчатой и ромбической, а также черенковой формы.

Каменные ножи представлены следующими формами: двулезвийные узкие, длинные, овальных очертаний; неправильно полулунные; ножи с широкими листовидными лезвиями и узкими овальными черенками.

Сусуйская стоянка и подобные ей стоянки с раковинными кучами в Невельске (на Гражданской улице и на северной окраине города) относятся к следующей фазе развития неолитической культуры на острове. Материал их имеет много общего с материалом стоянки Стародубское II. Так, на Сусуйской стоянке при раскопках 1955 г. были найдены круглодонные сосуды с узорами из веревочных, гребенчатых и штамповых оттисков, подобные сосудам со стоянки Стародубское II. Такие же сосуды известны с невеличких стоянок. Почти половина сосудов имеет плоское дно и формы баночные, горшковидные; на многих ясно намечается поддон, чаще применяется резной орнамент.

Близок друг другу и каменный инвентарь этих стоянок, но и в нем имеются изменения, хотя и незначительные. Шлифованные топоры относятся, в основном, к двум первым видам, причем топоры второго вида имеют более удлиненные очертания, чем в ранних стоянках. Также разнообразны формы ножей. Больше становится черенковых наконечников стрел и копий, а также скребков, округлых, удлиненных и трапецевидных с выгнутым основанием.

Но наиболее интересным и разнообразным является костяной инвентарь, обильно представленный в раскопанных стоянках с раковинными кучами (в частности, Сусуйской) и особенно в материале других стоянок,

хранящемся в Южно-Сахалинском музее: наконечники гарпунов, стрел, шилья, проколки, орнаментированные пластинки и трубочки, мотыги и лопатки.

Определяющим орудием в этом комплексе является, конечно, гарпун. Наконечники гарпунов различных типов известны с нескольких стоянок, в том числе с невелинских, с Сусуйской (на берегу Анивского залива), со стоянки у села Тей и некоторых других. Все они делятся на два типа — сложные, так называемые поворотные, и простые. Как тот, так и другой тип представлены несколькими видами.

Гарпуны поворотного типа характеризуются наличием дыр для линя, гнезда, закрытого или открытого, одной или двумя шпорами и развилкой для закрепления каменного копьца (иногда развилка отсутствует). Все это небольшие орудия из моржовой и китовой кости, прекрасно отделанные, некоторые даже орнаментированные. Все они объединяются в две группы наличием закрытого или открытого гнезда, но по другим признакам (количество и форма шпор, наличие развилки и ее плоскость, детали орнаментации) образуют несколько видов.

Наконечники с закрытым гнездом

1. Наконечники гарпуна с одной шпорой (рис. 1, 1, 2). Это массивные орудия (длина одного доходит до 11 см) с одной шпорою с выступом на конце, с треугольным суживающимся верхним концом и развилкою для копьца, с закрытым гнездом и одной дырою для линя. У одного гарпуна она расположена в середине широкой плоскости, у другого она представляет собою отверстие, проходящее вдоль этой плоскости. Один из этих наконечников (рис. 1, 1) орнаментирован резной изогнутой полосой, окружающей дыру для линя и спускающейся вниз, а также ритмично повторяющимися короткими насечками с одной боковой стороны. Третий экземпляр имеет равномерно суживающееся тулово и орнаментирован разными кружками с точками в центре их (рис. 1, 2).

2. Наконечники, близкие по форме к наконечникам первого вида, но с двумя шпорами, с выступами по краям (рис. 1, 3—5). Они имеют удлиненные очертания с треугольным верхним концом, закрытые гнезда, две дыры для линя, расположенные по средней линии орудия, и развилку для копьца, расположенную в плоскости, перпендикулярной плоскости дыры для линя. Один из этих наконечников орнаментирован резными насечками в два ряда по краям широких плоскостей, причем вверху насечки соединяются горизонтальной чертой, ниже которой нанесены два треугольника. Внутренняя линия шпор выше выступа также оформлена насечками. Орнамент нанесен со стороны спинки орудия (рис. 1, 4). К этому типу близок наконечник гарпуна со стоянки у села Минами-Найоси, только у него две дыры для линя соединяются в сплошной канал поперек широкой плоскости. Кроме того, наконечник орнаментирован со стороны спинки двумя рядами насечек по краям длинных сторон, насечек вдоль линии шпор и двумя двойными змейкообразными насечками в средней части орудия.

3. Гарпуны удлиненных очертаний, с округло заостряющимся верхним концом, с широким и очень мелким гнездом, двумя шпорами и без развилки для копьца (рис. 1, 6). К этому виду относятся два наконечника со стоянки в г. Невельске и три наконечника со стоянки у села Тей. Все они не орнаментированы.

4. Наконечники гарпунов с двумя простыми шпорами, с закрытым четырехугольным гнездом, с дырою для линя, проходящею через всю ширину гарпуна в одной плоскости с развилкою для копьца, с треугольным заостряющимся верхним концом (рис. 1, 7). Сюда относятся четыре гарпуна со стоянки в г. Невельске. Один из них орнаментирован двумя рядами насечек, проходящих по краю длинных сторон. Заготовка такого гарпуна найдена нами в 1955 г. на Сусуйской стоянке.

5. Пятый вид представлен в обломках. У этих наконечников очень оригинальная форма — они близки по виду к 1-му и 2-му, но имеют еще две бороздки и маленькие просверленные отверстия на суженном краю наконечника (рис. 1, 8). Видимо, эти наконечники имели две шпоры, две

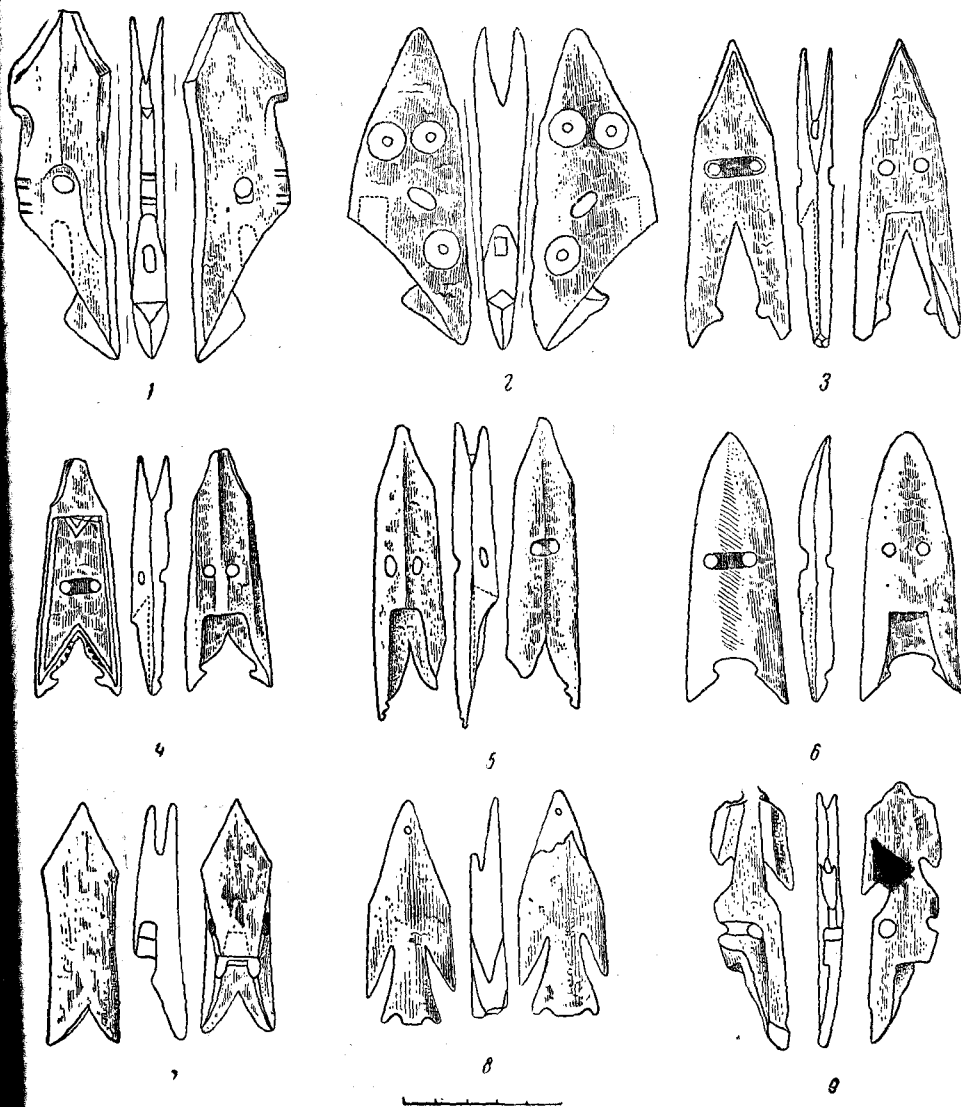

рис. 1. Костяные наконечники гарпунов: 1—3, 5, 6—8 — со стоянки на территории г. Невельска (Гражданская ул.), 4 — со стоянки у сел. Минами-Найоси

дыры для линия по средней линии наконечника, четырехугольное мелкое гнездо и развилку для копьца, расположенную в плоскости, перпендикулярной плоскости дыр для линия. Орнамента на них нет.

Гарпуны с открытым гнездом

6. Гарпуны с удлиненным, заостренным сверху лезвием и одной или двумя плоскими шпорами (рис. 2, 1—4). Функции закрытого гнезда у этих гарпунов выполняются двусторонними прямоугольными выемками в средней части оружия, которые являются своеобразным «пояском гнезда». Кроме того, в нижней и средней части наконечника обычно имеются по

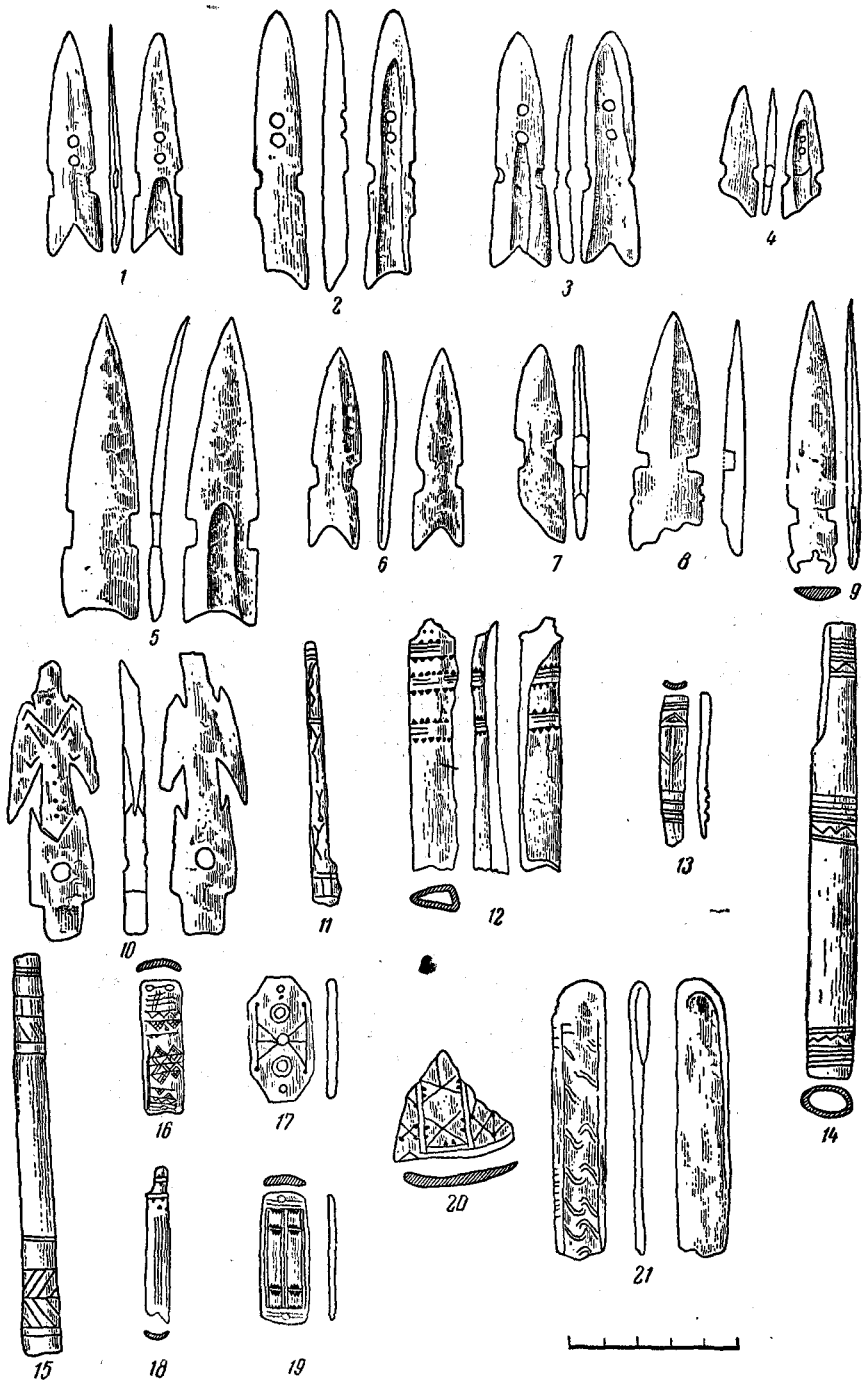

Рис. 2. Находки предметов из кости: 1—10 — костяные наконечники гарпунов со стоянки на территории г. Невельска (Гражданская ул.); 11, 13—20 — костяные пластинки и трубочки с той же стоянки; 12, 21 — костяные трубочки и пластинки со стоянки Ловецкое II (Невельский район)

ве дыры для линия, расположенные одна над другой. Это очень интересная форма, возможно, показывающая процесс развития гарпуна.

7. Гарпуны такого же типа, как предыдущие, с открытым гнездом, но без дыр для линия (рис. 2, 5—9). У них имеются лишь одни боковые вырезы — «пояски гнезда». У одних основание наискось усечено, у других в нем имеется полукруглая или треугольная выемка.

8. Последний вид гарпуна с открытым гнездом представлен в обломке. В нижней части своей он имеет срезанный насад (рис. 2, 10). Дыра для линия круглая и расположена чуть выше насада. Верхняя часть гарпуна имеет бородки в виде крыльев, но самый кончик гарпуна с развилкой для копьяца обломан. Одна широкая плоскость гарпуна орнаментирована рядом точек, идущих по его вертикальной средней линии, и рядом наклонных сходящихся резных линий, повторяющих в общих чертах форму бородок-крыльев.

Кроме поворотных гарпунов, на стоянках есть много гарпунов простого типа, которые также образуют несколько видов. Это обычные гарпуны так называемого мужского типа — плоские, с насадом внизу, двусторонним или односторонним (только в одном случае) рядом зубцов. Шесть таких гарпунов орнаментированы или вертикальными полосками, идущими вверх от места соединения зубцов с туловом наконечника и кончающимися крупными точками, или несколькими наклонными параллельными полосками, идущими по краю зубцов или середине тулова наконечника, или беспорядочными вертикальными линиями по тулову и черенку, или, наконец, овальными параллельными нарезками по одной стороне наконечника.

Костяные наконечники стрел образуют три вида.

1. Плоские наконечники, чаще всего с листовидным лезвием, плавно переходящим в узкий и длинный, иногда чуть выраженный насад, часто отделенный от лезвия фигурными выемками.

2. Наконечники с овальным или круглым поперечным сечением без черенка, утончающиеся к концам.

3. Наконечники, имеющие конический, круглый в сечении черенок, без резких изгибов переходящий в круглое же тулово, уплощающееся сверху.

Кроме того, на стоянках с раковинными кучами найдены костяные пилы, иглы, проколки и трубочки, видимо, служившие игольниками. Пилы чаще всего крупные, сделанные из заостренной с одного конца лопотной кости, часто ребра. Иногда в верхнем конце бывает просверлено отверстие, тогда шило превращается в большую иглу. Имеется также одно небольшое шило со сломанным отверстием в верхней части, орнаментированное грубыми волнообразными полосами и вертикальными рядами коротких горизонтальных насечек. Проколки часто сделаны подобным же образом; иногда применялся другой способ — скальвалась и заострялась сторона узкой костяной трубочки. Различной величины трубочки-игольники обычно имеют прямой конец, но иногда он срезан наискось и образует один или два шипа.

Встречаются прекрасно отполированные и заостренные кинжалообразные обломки моржовой кости; иногда бывают видны следы обработки на концах ребер. Одно из таких ребер имеет вид маленького кинжала. Оно прекрасно отполировано, просверлено сверху; к нему приделана костяная же фигурная ручка.

Особенно интересны орнаментированные костяные трубочки и палочки. Такие трубочки известны со стоянок в г. Невельске и со стоянки Ловецкое II.

Все костяные трубочки (рис. 2, 11—15) орнаментированы обычно несколькими полосками резных линий, причем орнамент нигде не покрывает всей поверхности. На одной трубочке три орнаментальные полосы состоят из комбинации горизонтальных опоясывающих линий и одной зигзагообразной линии. Другая трубочка орнаментирована двумя такими же

полосами. На третьей две орнаментальные полосы состоят из комбинации резных прямых опоясывающих линий, резной елочкой и пояска коротких вертикальных насечек. Четыре трубочки орнаментированы полосами из нескольких опоясывающих горизонтальных линий. На одной из них эти полосы дополняются вертикальными полосами коротких насечек, наклонных попеременно в разные стороны. Одна трубочка украшена грубыми короткими горизонтальными вырубками. Очень оригинален и тонок узор на сломанной трубочке со стоянки Ловецкое II: три горизонтальных пояска орнамента из тонких, иногда прерывающихся горизонтальных линий, ограниченных сверху и снизу рядами маленьких треугольников, вершины которых в верхнем ряду обращены вверх, в нижнем — вниз.

Все эти костяные трубочки прекрасно отполированы.

Наконец, самым оригинальным и тонко сделанным орнаментом украшены шесть костяных пластинок, видимо, служивших накладками (рис. 2, 16, 17, 19, 21). Здесь каждый экземпляр имеет особый орнамент. Очень интересна маленькая пластинка со стоянки в г. Невельске (рис. 2, 19), орнамент которой, подобно орнаменту трубочки со стоянки Ловецкое II (рис. 2, 12), состоит из тонких горизонтальных линий, обрамленных рядами маленьких треугольников. Разница лишь в количестве горизонтальных линий в каждой орнаментальной полосе и в количестве самих этих полос. На другой, чуть изогнутой пластинке (рис. 2, 18) подобные же орнаментальные полосы сочетаются с пучками тонких и длинных вертикальных линий. Третья пластинка украшена ритмически повторяющимися парными тонкими вертикальными линиями. У трех других пластинок орнаментом покрыта вся поверхность. Одна пластинка, просверленная сверху и снизу (как, впрочем, и многие из уже описанных), украшена орнаментом, объединяющим элементы, встречающиеся на других пластинках, трубочках, гарпунах и даже керамике: прямые горизонтальные насечки, кончающиеся точками, насечки в виде зигзагов, целых и распавшихся; заштрихованных треугольников и треугольничков, расположенных рядами (рис. 2, 16). На второй пластинке удлиненно-шестиугольных очертаний (рис. 2, 17) отверстия обрамлены круглыми резными линиями, причем от центрального отверстия идут в обе стороны по три расходящихся линии, упирающиеся в вертикальную прямую линию, с обоих концов кончающуюся точками. Наконец, пластинка со стоянки Ловецкое II (рис. 2, 21) орнаментирована еще более оригинальным образом. Длинные края ее (она имеет удлиненно-четырёхугольную форму) обрамлены тонкими резными горизонтальными полосами, за которыми располагаются короткие беспорядочные насечки, а внутри их — тонкий узор из расположенных в шахматном порядке с обеих сторон двойных s-образных насечек, обращенных друг к другу.

Как можно заметить, орнамент последней пластинки немного выпадает из общего стиля орнамента на кости, характерного для стоянок этого времени. Стиль этот можно охарактеризовать как прямолинейно-геометрический. Характерными особенностями его, наряду с тонкими опоясывающими горизонтальными и зигзагообразными линиями, являются точки на конце прямых линий и ряды мелких насечек в виде треугольников, направленных попеременно вниз и вверх вершинами, а также орнаментовка кружочками с точкой в центре, сделанными, видимо, инструментом, напоминающим циркуль (так орнаментирован наконечник гарпуна первого вида со стоянки в г. Невельске).

Но в комплексе костяных изделий древнейших стоянок имеются и более крупные орудия — костяные мотыги и лопатки (рис. 3, 4).

Мотыги длиной 12—25 см сделаны в большинстве из толстой китовой или моржовой кости. Верхняя широкая поверхность их почти всегда заполирована, нижняя бывает пористой и ноздреватой. Мотыги эти по форме рукоятки делятся на два вида.

1. Мотыги с «цапфами» (округло-треугольными выступами у верхнего

рая лезвия) — орудия в основном удлиненно-четырёхугольной формы, расширением в обе стороны на верхнем конце и в середине орудия (рис. 3, 1). Лезвие этих мотыг в профиле сужается книзу, рабочий край часто носит следы изношенности в виде извилин, вдавлений и сильной заполированности, иногда (как у мотыги со стоянки у села Вторая Падь) совсем сломан.

2. Мотыги имеют широкое, закругляющееся книзу, лезвие и хорошо выраженную, более узкую, чем лезвие, рукоятку, на верхнем конце которой также имеется цапфообразное утолщение с двух сторон (рис. 3, 2).

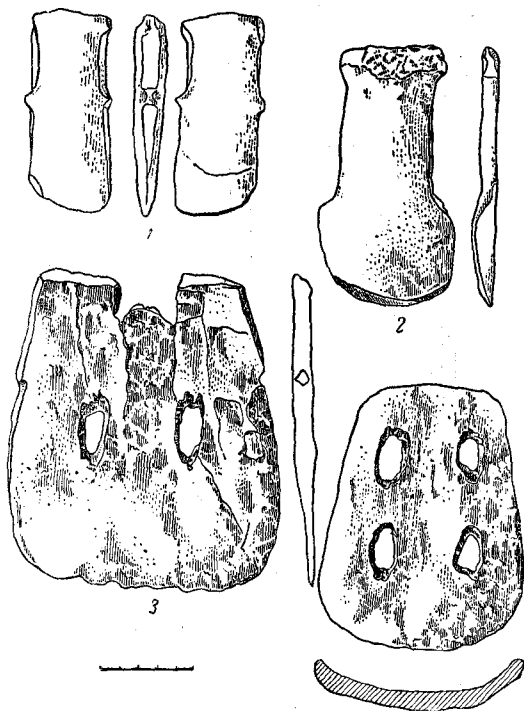

Рис. 3. Находки изделий из кости: 1, 2 — костяные мотыги со стоянки Ловецкое II; 3 — костяная лопатка с той же стоянки; 4 — костяная лопатка со стоянки на территории г. Невельска (Гражданская ул.)

и мотыги всегда довольно велики по размеру — 23—25 см длины. Рабочий край их также имеет вмятины и сильно заполирован в процессе работы.

Костяные лопатки представляют собой большие и широкие, часто согнутыми во внутрь краями, орудия, которые, видимо, прикреплялись к деревянной рукоятке, для чего в средней части лопатки имеются два и четыре отверстия, обычно продолговатой формы. Встречаются лопатки двух видов:

1. Лопатка имеет овальные очертания с резким перехватом в верхней части. Иногда лезвие лопатки книзу расширяется, и рабочий край становится почти прямым. Обычно он помят и зазубрен, сильно заполирован в процессе употребления. Приблизительно по средней линии лопатки имеются обычно два отверстия овально-удлиненных очертаний, служивших, как и перехват, видимо, для прикрепления к деревянной рукоятке. Этот вид встречается сравнительно часто. Таковы лопатки со стоянки Ловецкое II (рис. 4, 1) и со стоянки на территории г. Невельска (раскопки на Гражданской улице) (см. рис. 4, 2).

2. Лопатки (более редко встречающиеся) имеют округло-четыреугольную форму, с чуть расширяющимся рабочим краем, с двумя или четырьмя симметричными продолговатыми отверстиями, без перехвата и без рукоятки (рис. 3, 3, 4). Видимо, их привязывали прямо к длинной рукоятке через эти отверстия и работали ими по земле и снегу.

Археологический материал с сахалинских стоянок в целом оригинален и указывает на самобытные черты материальной культуры древних насельников острова. Но многое в нем позволяет связывать сахалинскую

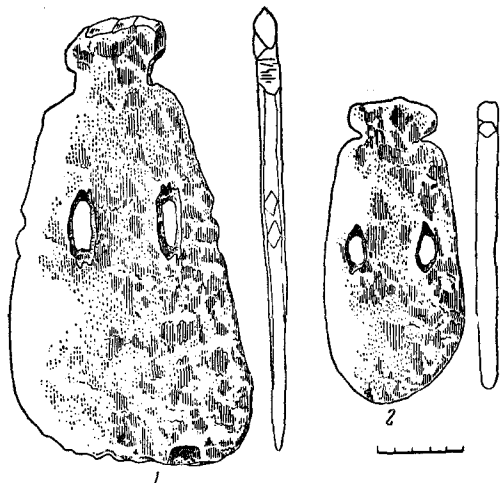

Рис. 4. Костяные лопатки: 1 — со стоянки Ловецкое II; 2 — со стоянки на территории г. Невельска (Гражданская ул.)

материальную культуру с культурой близлежащих территорий, в частности островного мира северной части Тихого океана и смежных частей континента — Приморья, Приамурья, Охотского побережья, полуостровов Чукотки и Камчатки, а также северных западных частей материка Америки. Как принято считать в археологической литературе последнего времени¹, на Японских островах палеолитических стоянок нет, и современная Япония была заселена в более позднее время. С еще большим основанием это можно говорить о Сахалине, который расположен гораздо севернее и имеет гораздо более суровые природные условия. Поэтому вопрос о первобытном населении острова Сахалина неизбежно связывается с вопросом о пути движения этого населения и о происхождении его. Связь с населением близлежащих частей островного мира и континентов сохранялась населением Сахалина и впоследствии, что подтверждается, в частности, сравнительным анализом археологического материала с этих территорий.

Некоторые черты археологического материала первого этапа, в частности стоянки Стародубское II, особенно ее керамического инвентаря (кругло- и остродонная форма сосудов, наличие веревочного орнамента), находят себе аналогии в материале стоянок культур Инаридай, Кодзандзи и Тадо I раннего неолита Японских островов. Но в остальном археологические материалы Сахалина и Японских островов, как в это время, так и позднее, резко отличны друг от друга. Можно сказать, что для II—I тысячелетий до н. э. сходство это ограничивается отдельными указанными чертами, позднее же культура Сахалина и Японских островов развивается по совершенно различным путям.

Уже по материалу стоянки Стародубское II выясняются четкие аналогии с культурами Приморья и Приамурья и эскимосского севера. Так, например, орнаментация керамического материала, а именно распространение гребенчатых и штампованных украшений, сближает эту стоянку с неолитическими стоянками Амура. Сходный орнамент довольно часто встречается на сосудах стоянок на острове Сучу, на р. Куэнга около Николаевска-на-Амуре, исследованных в 1935 г. А. П. Окладниковым. Очень интересно, что в Стародубском II несколько раз встречен классический

¹ А. П. Окладников, К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре, «Сов. этнография», IV, 1946; М. В. Воробьев, Каменный век стран Японского моря, Автореферат диссертации, Л., 1953; G. J. Groot, The prehistory of Japan, New York, 1951.

Для Приморья орнамент — меандр. Круглодонная же форма с орнаментом из разных насечек была характерна до недавнего времени для эскимосских сосудов. Для Приморья и Приамурья, с одной стороны, и Сахалина, с другой, характерны одни и те же виды топоров — «северный» вид топора (по классификации Андерсона), совершенно аналогичный 2-му сахалинскому виду, а также 3-й вид сахалинских топоров — прямоугольный или трапециевидный по очертаниям, с овальным поперечным сечением. Одинаковы формы стамесок, встречающиеся в раковинных кучах Приморья на описанных стоянках Сахалина. Сближает эти две группы стоянок также наличие в тех и других шлифовальных каменных колец.

С еще большей четкостью связи с материком и севером появляются в материале поздней фазы неолита Сахалина — в материале стоянок с раковинными кучами. Новые черты в керамике и каменном инвентаре (плоскодонные сосуды с поддоном, удлиненные топоры 2-го вида, черешковые наконечники копий) имеют совершенно приморский облик и связаны, видимо, по своему происхождению с раковинными кучами Приморья.

С другой стороны, плоскодонные сосуды стоянок позднего неолита Сахалина близки к плоскодонным сосудам эскимосских поселений, исследованных Лагуной². Для эскимосских сосудов характерна та же узкая аночная форма с расширяющимися стенками, только без поддонов. Орнаментировка их близка к сахалинской — резные горизонтальные линии, формленные рядами коротких наклонных насечек.

Каменный инвентарь стоянок с раковинными кучами, наряду с пропавшим бытовать инвентарем, характерным для более раннего периода, обнаруживает близкое сходство с каменным инвентарем Камчатки, Курильских островов и более северных территорий. Большое сходство обнаруживается, например, в удлиненно-линовидных формах ножей с сахалинских (например, в г. Невельске и на мысе Крильон) и камчатских стоянок³. Очень интересен большой обсидиановый нож продолговатой формы со стоянки на Гражданской улице в г. Невельске. Обсидиана на Сахалине нет. Видимо, этот нож просто привезен с Камчатки. Близка также другая форма ножей с Сахалина и Камчатки — с листовидным лезвием и прямой рукоятью⁴. Сходны также форма скребков — из удлиненных пластин с округлым рабочим краем (со стоянок в г. Невельске и с в. Курильского⁵), а также скребки округлой формы. Для наконечников стрел четкой аналогии не намечается, хотя бытуют на Сахалине и Камчатке одни и те же формы — треугольные, ивовидные, листовидные, листовидные с усеченным основанием, черенковые и др. На стоянке в м. Крильон был найден серый камень, тщательно отретушированный с обеих сторон и имеющий очертания какого-то зверя. Он очень живо напоминает обсидиановые фигурки с Камчатки, опубликованные С. И. Руденко и Д. Н. Львом, также имеющие очертания животных, иногда птиц и людей⁶.

Такие же скребки, наконечники стрел и ножи (а также ножи известной на Сахалине полулунной формы) известны и на Курильских островах; частности, они были найдены экспедицией Бергмана в 1929—1930 гг. на Итуруп⁷, а также при раскопках Осаму Баба на о. Шумшу⁸. Ниже будет сказано о северных связях сахалинской культуры эпохи позднего

² Fr. de Laguna, The prehistory of Northern North America as seen from the Yukon, «Supplement to American antiquity», т. XII, № 3, Washington, 1947, табл. XXIII.

³ С. И. Руденко, Культура доисторического населения Камчатки, «Сов. этнография», 1948, № 1, табл. V, рис. 62, 65, 67, 68.

⁴ Там же, табл. VI.

⁵ Там же, табл. VIII, рис. 100—104.

⁶ Там же, табл. XIV, рис. 163, 164; Д. Н. Лев, Новые археологические памятники Камчатки, «Сов. этнография», 1935, № 4-5, рис. 1—3.

⁷ I. Sch nell, Prehistoric finds from the Island world of the Far East, «Bul. MFEA», Stockholm, 1932, № 4, табл. XII.

⁸ O. B a b a, A second archaeological investigation of Schumchir, an Island of the Kuriles, «The Journ. of the Anthropol. Society of Tokyo», т. LI, № 581, март 1936, табл. III.

неолита, которые выявляются при анализе костяного инвентаря. Все указанные параллели по каменным изделиям подтверждают это. Но, подобно параллелям по костяному инвентарю, эти параллели идут дальше на север, в область расселения эскимосов. Так, скребки округлых и полулунных форм встречаются в поселениях культуры ипиутак на северо-западной оконечности материка Америки⁹, а также в эскимосских поселениях древнеберингоморской культуры на Чукотке, например у селения Сирэник¹⁰. Там же встречены наконечники стрел, близких к сахалинским формам, — треугольные, листовидные и др. Шлифованные топоры распространенных на Сахалине форм, например: удлинённые прямоугольные топоры, встречаются в тех же ипиутакских поселениях¹¹ и на Чукотском полуострове¹².

Интересные связи Сахалина с Алеутскими островами намечаются по материалам каменного инвентаря. Например, ножи с удлинённо-овальным лезвием и прямой рукояткой, как и листовидные с усечённым основанием, совершенно аналогичные ножам со стоянки в г. Невельске, имеются в раскопках В. И. Йохельсона на о. Умнак¹³. Так же сходны ножи¹⁴ с удлинённым треугольным лезвием и широкой прямой рукояткой (такие ножи есть и на о. Карагинском), круглые скребки¹⁵ и некоторые формы наконечников копий.

Но наиболее четкие и определенные параллели с культурами эскимосского севера намечаются по комплексу костяных изделий сахалинских стоянок с раковинным кучами.

Прежде всего, наводит на мысль об этом уже наличие данных категорий костяных орудий (наконечники гарпунов и стрел, лопатки и мотыги, орнаментированные пластинки), характеризующих комплекс морского звероловства. Кстати, в раковинных кучах Сусуйской стоянки при раскопках в 1955 г. найдено большое количество костей морских животных, главным образом тюленей. Поэтому логично искать аналогии по тихоокеанскому побережью и островам. И здесь мы обнаруживаем, что эти орудия вовсе не известны на более южных островах (Хонсю, Кюсю и т. д.), а также на смежных участках тихоокеанского побережья — в Приморье, Приамурье, за исключением некоторых находок подобных вещей на о. Хоккайдо да находок костяных орнаментированных пластинок в Корее и Китае¹⁶, которые Цубой считает иеральными костями. Важно то, что в этих частях Тихого океана подобные орудия неизвестны в комплексе. В частности, там нет поворотного гарпуна — важнейшего орудия морского охотника.

На южных Японских островах, в раннем неолите (раннем дземоне), правда, появляются такие костяные орудия, как иглы с ушками, шилья, несколько позднее — наконечники гарпунов. Но наконечники гарпунов относятся к совершенно другому типу, чем сахалинские и эскимосские. Это простые, довольно грубо сделанные орудия¹⁷, относящиеся к простейшим типам неповоротных гарпунов. Что касается шильев, игл с ушками и т. д., то данные костяные орудия не являются категорией, способной характеризовать культуру.

⁹ H. Larsen and Fr. Rainey, Ipiutak and the Arctic whale hunting Culture. «Anthropological papers of the American mus. of natural History», т. 42, New York, 1948, табл. 46, 85.

¹⁰ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, табл. 24.

¹¹ H. Larsen and Fr. Rainey, Указ. раб., табл. 86, рис. 17; табл. 47, рис. 6—9, 17—19.

¹² С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря..., табл. 37, рис. 5—7.

¹³ W. Iochelson, Archaeological Investigations in the Aleutian Islands, «Carnegie Institution of Washington», Washington, 1925, стр. 61, рис. 18, 19.

¹⁴ Там же, стр. 60, рис. 10, 11.

¹⁵ Там же, стр. 65, рис. 35.

¹⁶ S. Tsuboi, Bone Tubes artherches designs discoveres from a Shell Mound in Saghalien, JAST, т. XXIII, № 263, 1908, стр. 622.

¹⁷ G. Groot, Указ. раб., стр. 41, рис. 8.

К концу неолита (культура дземон) на Японских островах вновь появляются костяные орудия, причем некоторые из них имеют довольно сложную форму (например, наконечники гарпунов поворотного типа)¹⁸. Но и они очень далеки от сахалинских. Это мелкие наконечники, обычно бородчатые, с глубоким гнездом, часто с тройной шпорой, украшенные резными насечками, прямыми или в виде сетки.

Несколько позднее, уже в железном веке, появляются подобные орудия (костяные наконечники стрел, рогаины и т. д.) в районе г. Николаевска, дер. Кизи и села Тыра на Амуре¹⁹. Но и эти орудия не являлись там определяющими элементами культуры и, видимо, показывают на какое-то влияния извне.

Уже по наличию категорий костяных орудий и всего комплекса их намечается четкая аналогия с более северными областями тихоокеанского побережья и островного мира — с Курильскими и Алеутскими островами и, главное, с ареалом распространения эскимосской культуры. Мы находим здесь все те орудия из кости и способы их обработки, которым мы не могли подыскать аналогии на юге, — здесь, кроме поворотного гарпуна, есть и наконечники стрел, и лопатки, и мотыги, и резба по кости.

Но если бы сходство ограничивалось только этим, мы не могли бы говорить о связи между древним населением острова Сахалина и эскимосских поселений, так как такое сходство естественно для культур, имеющих одинаковую, в сущности, основу хозяйства. Но сходство это идет гораздо глубже и проявляется в близости видов орудий и единстве основных элементов орнамента в резьбе по кости. Особенно показательными в этом отношении являются форма наконечников гарпунов и украшение костяных пластинок и трубочек, но довольно определены в этом смысле и данные по формам мотыг и лопаток. Как мы уже видели, основными видами костяных мотыг на Сахалине являются мотыги с прямой расширяющейся удлинённой рукояткой, а также мотыги с цапфами. Уже Леруа-Гуран указывал²⁰, что область распространения костяных мотыг, как и костяных лопаточек, лежит в северной части Тихого океана, а именно в северной части Хоккайдо, на Сахалине, Курильских и Алеутских островах, на полуостровах Камчатке и Чукотке и северо-западных берегах американского континента. Недавние археологические находки подтверждают это предположение. Так, костяные мотыги сходных с сахалинскими форм (в частности, мотыги с цапфами) найдены на Курильских островах при раскопках О. Баба²¹, на о. Хоккайдо, а также в эскимосских поселениях культуры ипиутак²². Мотыги 2-го сахалинского вида с широким закругляющимся внизу лезвием и более узкой рукояткой найдены при тех же раскопках О. Баба на о. Шумшу²³, а также и в северных провинциях о. Хоккайдо²⁴. Отдельные находки подобных мотыг имелись на Камчатке, на о. Карагинском; мотыгу этой формы в бухте Ложных вестей о-ва Карагинского обнаружил Логиновских в 1909 г.²⁵, другую такую же обнаружил недавно геолог Ю. К. Гринченко. Близкие формы мотыг известны также из раскопок В. И. Йохельсона на Алеутских островах²⁶ и на Чукотском побережье из раскопок С. И. Руденко²⁷.

¹⁸ G. Groot, Указ. раб., стр. 75, рис. 10.

¹⁹ А. П. Окладников, Тезисы доклада «Древние памятники в низовьях Амурского бассейна» (Исследования 1935 г.), Л., 1936.

²⁰ I. Leroi-Gourhan, Archeologie du Pacifique-Nord, Paris, 1946, стр. 230, карта 21.

²¹ О. Баба, Указ. раб., табл. IX, рис. 2, 6.

²² H. Larsen and Fr. Rainey, Указ. раб., т. 42, New York, 1948, табл. 9, рис. 7; табл. 82, рис. 1.

²³ О. Баба, Указ. раб., табл. VIII, рис. 6; табл. IX, рис. 1.

²⁴ I. Leroi-Gourhan, Указ. раб., стр. 238, рис. 266—269.

²⁵ Государственный Эрмитаж, фонды, колл. 2151, № 44.

²⁶ W. Jochelson, Указ. раб., табл. 26, рис. 42.

²⁷ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря..., табл. 34, рис. 30; табл. 29, рис. 26; табл. 28, рис. 6, 13; табл. 2, рис. 28, 29.

Подобную же картину мы видим в распространении костяных лопаток. Лопатки, аналогичные сахалинским — с расширяющимся книзу и переуваченным вверху лезвием, с продолговатыми отверстиями в средней части — известны из тех же раскопок Иохельсона на Алеутских островах (на о. Умнаке)²⁸ и на эскимосских ипиутакских поселениях²⁹. Близкие к ним орудия есть и на Чукотском побережье (в частности, некоторые из орудий, определенных С. И. Руденко как защитные наручники³⁰). Интересно также наличие во всех этих областях — Камчатке³¹, Чукотке³², северо-западном побережье Америки³³, Алеутских³⁴ и Курильских островах³⁵ и Сахалине — одинаковых длинных и узких костяных пластин с просверленными отверстиями, видимо, представляющих собой обломки частей нарт, распространенных в этих областях.

Еще более четкие и ясные связи древнего населения Сахалина с населением перечисленных выше областей могут быть прослежены по пяти типам наконечников костяных гарпунов. Для четырех из них можно с довольно большой долей вероятности наметить аналогии и, возможно, исходные формы в классических областях костяного гарпуна поворотного типа — в областях распространения эскимосской культуры.

Наконечники гарпунов, очень близкие по форме к 1-му сахалинскому виду костяных гарпунов, часто встречаются на соседних территориях — на о. Хоккайдо³⁶ и на Курильских островах, в частности на о. Шумшу³⁷. Там встречены наконечники, очень близкие по форме к экземпляру со стоянки в г. Невельске — с удлиненным туловом, верхний край которого имеет вид треугольника. Близки к этому виду сахалинских гарпунов с равномерно сужающимся кверху туловом наконечники гарпунов, известные с Алеутских островов³⁸, которые Квимби датирует сравнительно поздним, уже историческим периодом. Но развитие 1-го вида гарпунов можно проследить в более раннее время. Так, среди наконечников гарпунов, найденных Коллинзом при раскопках поселений древнеберингоморской и ранней пунукской культуры на о. Св. Лаврентия, есть наконечник, который по типу совершенно идентичен 1-му сахалинскому виду³⁹, — у него одна шпора с выступом, представляющим редуцированный остаток сложной шпору, характерной для более раннего этапа древнеберингоморской культуры, закрытое гнездо, одна дыра для линия и развилка для копьенца, причем плоскости их перпендикулярны друг другу. Коллинз относит его к раннему пунуку. Это находит подтверждение в кружковом орнаменте на наконечнике гарпуна со стоянки в г. Невельске. По свидетельству Лагуны⁴⁰, этот орнамент развивается в период культуры пунук. Простейшие же по форме наконечники гарпунов этого вида мы встречаем в поселениях ипиутакской культуры⁴¹. Итак, можно предполагать, что 1-й вид наконечника гарпуна возник в поселениях древнеберингоморской культуры (может быть, уже на стадии перехода ее в пунукскую). Распространившись в более южных областях (Курильские острова, Сахалин, о. Хоккайдо), он продержался там долгое время, вплоть до культуры пунук, на что

²⁸ W. Iochelson, Указ. раб., табл. 26, рис. 36.

²⁹ H. Larsen and Fr. Rainey, Указ. раб., табл. 9, рис. 5, 12.

³⁰ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря... табл. 21, рис. 4; табл. 10, рис. 13; табл. 6, рис. 18 и др.

³¹ Государственный Эрмитаж, фонды, колл. 2151, № 49в.

³² С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря..., табл. 28, рис. 18—24.

³³ H. Larsen and Fr. Rainey, Указ. раб., табл. 21, рис. 2.

³⁴ W. Iochelson, Указ. раб., табл. 26, рис. 45.

³⁵ O. Vaba, Указ. раб., табл. VIII, рис. 16.

³⁶ I. Leroi-Gourhan, Указ. раб., стр. 395, рис. 830, 834, 836.

³⁷ O. Vaba, Указ. раб., табл. VI, рис. 13—18.

³⁸ G. Quimby, Toggle harpoon heads from the Aleutian Islands, «Fildiana-Anthropology», т. 36, № 2, Chicago, 1945, стр. 15—23.

³⁹ H. Collins, Archeology of St. Lawrence Island, Alaska. Washington, 1937, табл. 26, рис. 4, 5.

⁴⁰ Fr. de Laguna, The prehistory of Northern North America..., стр. 5—14.

⁴¹ H. Larsen and Fr. Rainey, Указ. раб., табл. 79, рис. 1.

дает указание орнамент описанного наконечника со стоянки в г. Невельске.

Наконечники гарпунов следующих четырех видов имеют по две шпоры. Уже по этому признаку их можно сблизить с наконечниками культуры дорсет. Ни на Чукотском побережье, ни на Алеутских островах, ни на северо-западном побережье американского континента нет наконечников гарпунов с двумя шпорами. Они известны лишь в культуре дорсет и, реже, туле. В статье Лагуны, где она классифицирует гарпуны типа дорсет и сравнивает их с гарпунами смежных территорий, есть тип дорсет 3⁴², который кажется нам во многом сходным со 2-м видом поворотных наконечников гарпунов с Сахалина. У них много общих черт — две шпоры, закрытое гнездо, вытянутые очертания тулова, одинаково (перпендикулярно) расположенная по отношению к дыре для линя развилка для копьейца. Правда, есть и отличия: у сахалинских гарпунов две дыры для линя, у дорсет 3 — одна; у сахалинских верхний край орудия имеет вид треугольника, у дорсет 3 — он округлый; наконец, у сахалинских шпоры сложные, с выступами, а у дорсет 3 — простые. Однако эти отличия не нарушают единства обеих групп наконечников, но показывают обособленное позднейшее развитие каждой группы, при котором форма несколько варьировалась.

3-й вид сахалинских наконечников гарпунов (с закрытым гнездом, удлиненных очертаний, с округлым верхним краем и без развилки для копьейца), пожалуй, еще более близок к дорсетским наконечникам, в частности, к типу дорсет 2⁴³. Наконечники подобных форм очень часто находят и на Курильских островах, — например, на о. Шумшу⁴⁴ и на о. Хоккайдо (в раскопках Тории)⁴⁵. В деталях они часто отличаются друг от друга. Так, у дорсет 2 обычно бывает одна дыра для линя и две простые шпоры. На Сахалине бывает иногда одна, иногда две дыры для линя (как, впрочем, на островах Курильских и Хоккайдо), шпоры же, в отличие от всех подобных наконечников, бывают фигурно оформлены. Это, видимо, результат уже местных влияний. В общем же единство наконечников сахалинского 3-го вида и дорсет 2 — неоспоримо. Леруа-Гуран считает этот вид (он обозначает его типом К)⁴⁶ наиболее древним из всех видов дорсетовских наконечников гарпунов.

4-й вид гарпуна пока не находит себе прямых аналогий. Зато 5-й вид идет снова на север к культуре дорсет. Уже указывалось на то, что этот вид очень сходен со 2-ым видом, отличаясь от него лишь наличием бородачок. Поэтому его, как и 2-й вид, но уже предполагая более сложную историю самостоятельного развития, можно вывести из типа дорсет 3.

Те же связи можно наметить и по наконечникам гарпунов с открытым гнездом. Кроме Сахалина, такие гарпуны известны на Хоккайдо⁴⁷, по свідетельству Леруа-Гурана (у него это тип Н) и на Курильских островах⁴⁸ в культуре дорсет. Ближайшей и довольно прямой аналогией к сахалинским гарпунам с открытым гнездом можно считать тип дорсет 1⁴⁹. У него такие же, как у сахалинских наконечников, удлиненные очертания, две шпоры, перехват немного ниже средней линии и две дыры для линя, расположенные по одной прямой вертикальной линии. На наконечниках Хоккайдо, так же как и на сахалинских гарпунах 2-го вида, дыр для линя нет вовсе. Лагуна⁵⁰ считает, что открытое гнездо — старая черта

⁴² Fr. de Laguna, The Eskimo in Northeastern archaeology, «Papers of the Robert S. Peabody Foundation for Archaeology», т. III, Phillips Academy, 1946, рис. 9.

⁴³ Fr. de Laguna, The Eskimo in Northeastern archaeology..., стр. 116, табл. 12.

⁴⁴ О. Ваба, Указ. раб., табл. VI, рис. 10.

⁴⁵ Fr. de Laguna, The Eskimo in Northeastern archaeology..., табл. 12.

⁴⁶ I. Leroi-Gourhan, Указ. раб., стр. 403.

⁴⁷ Fr. de Laguna, The Eskimo in Northeastern archaeology..., стр. 113, рис. 10.

⁴⁸ I. Leroi-Gourhan, Указ. раб., стр. 389, рис. 806.

⁴⁹ Fr. de Laguna, The Eskimo in Northeastern archaeology..., табл. 113, рис. 10.

⁵⁰ Там же, стр. 113.

в культуре эскимосов и в наиболее ранней своей форме сохранилась в культуре дорсет. Она считает наиболее близкими к этой форме наконечники, найденные на местах обитания «предысторических айнов»⁵¹. Редко встречающиеся на стоянках культур пунук и бирнирк наконечники гарпунов с открытыми гнездами она выводит из ранних форм древнеберингоморской культуры. Интересно ее мнение о том, что доисторическое население Японских островов (она, видимо, имеет в виду Хоккайдо, мы можем включить сюда и Сахалин) было тесно связано с тихоокеанскими эскимосами⁵².

Как мы видим, это мнение относительно Сахалина наш материал также подтверждает. Подобные связи можно проследить, хотя и очень глухо, по керамике и, несколько более четко, по каменному материалу. Костяной инвентарь, в частности, гарпунный комплекс, основной в хозяйстве морских охотников, а также другие костяные орудия (мотыги, лопатки) говорят о связи древнего населения Сахалина с эскимосами (особенно культуры дорсет) конкретным языком фактов. Показательно то, что связи эти подтверждаются также аналогиями в области резьбы по кости.

Как мы уже говорили, орнамент на костяных пластинках, трубочках, шильях и наконечниках гарпунов в основе своей геометричен, и характернейшей чертой его является оформление горизонтальных и наклонных прямых линий рядами мелких насечек в виде треугольников, направленных попеременно вниз и вверх вершинами, и точки на конце прямых линий, обычно коротких. Встречаются и другие узоры геометрического характера (в виде ромбов, треугольников и т. д.); на одной пластинке со стоянки Ловецкое II имеется рисунок из волнистых линий. Но на пластинках, выкопанных Цубои в раковинных кучах в устье р. Сусуи⁵³, волнистый орнамент встречается гораздо чаще, поэтому случайным его назвать нельзя. И вот оказывается, что те же самые элементы орнамента, которые мы считаем характерными для Сахалина, встречаются на костяных вещах из эскимосских поселений культур древнеберингоморской, ипиутак и пунук. Иногда аналогии с этими культурами прослеживаются по орнаменту на вещах, близких по форме или назначению сахалинским орнаментированным костяным предметам. Так, костяные пластинки и трубочки с поселения на о. Св. Лаврентия⁵⁴, датируемые раннепунукским временем, так же как трубочки с другого поселения оттуда же⁵⁵ и гарпуны с эскимосского поселения Сирэник на Чукотке⁵⁶, орнаментированы хорошо знакомыми нам по сахалинским костяным вещам горизонтальными линиями и короткими прямыми линиями с точкой на конце. На костяных трубочках и пластинках с ипиутакских, а также оквикских поселений⁵⁷, с мыса Чаплина на Чукотке⁵⁸ мы видим тот же простой геометрический орнамент, что и на сахалинских. Особенно показательна в этом отношении костяная трубочка с ипиутакского поселения с раскопа ТВ 207⁵⁹. Она совершенно идентична костяной трубочке со стоянки г. Невельска (рис. 2, 14). На костяной трубочке из эскимосского поселения на Юконе⁶⁰ горизонтальные опоясывающие линии снизу и сверху оформлены такими же насечками в виде мелких треугольников, которые мы не раз встречали

⁵¹ Fr. de Laguna, The Eskimo in Northeastern archaeology..., стр. 114.

⁵² Fr. de Laguna, The prehistory of Northern North America..., стр. 5.

⁵³ S. Tsuboi, Указ. раб.

⁵⁴ H. Collins, Указ. раб., табл. 22, рис. 2, 4, 8.

⁵⁵ Там же, табл. 65, рис. 1—5.

⁵⁶ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря..., табл. 19, рис. 19.

⁵⁷ H. Larsen and Fr. Rainey, Указ. раб., табл. 92, рис. 2, 18, 21; табл. 28, рис. 18; табл. 24, рис. 18, 21; табл. 25, рис. 12, 15, 17; Fr. Rainey, Eskimo prehistory: The okvik site on the Penuk Islands, «Anthropological papers of the American museum of Natural History», т. XXXVII, IV, New York, 1941, рис. 15.

⁵⁸ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря..., табл. 16, рис. 4.

⁵⁹ H. Larsen and Fr. Rainey, Указ. раб., стр. 92, рис. 18.

⁶⁰ Fr. de Laguna, The prehistory of Northern North America..., табл. XIV, № 41.

на сахалинских костяных пластинках и трубочках. Такой же рисунок известен и на азиатских эскимосских стоянках. Так, на уже упомянутом наконечнике гарпуна с поселения Сирэник наряду с линиями, оканчивающимися точками, имеются длинные прямые линии, рядом с которыми идут ряды таких же треугольников. Часто встречается этот орнамент и на ипиутакских поселениях. Интересно, что иногда он покрывает предметы, по своей форме не известные на Сахалине. Например, костяные, так называемые крылатые предметы и трезубцы из стоянки Оквик⁶¹ или из ипиутакских поселений⁶² по форме своей не находят аналогий с сахалинскими, но орнамент, покрывающий их, складывается из тех же элементов, и, хотя он более сложен и богат, горизонтальные линии в оформлении насечек в виде мелких треугольников играют важную роль. Выше уже говорилось о том, что на Сахалине встречается характерный для пунука орнамент из правильных кружков.

Еще Цубои отмечал эту близость орнамента костяных пластинок (которые он считал игральными костями) с эскимосским орнаментом⁶³. Привлеченный нами материал подтвердил это положение.

Трудно дать сейчас исчерпывающее объяснение этим аналогиям. Несомненно наличие довольно тесного взаимодействия между жителями позднего неолита Сахалина, с одной стороны, и эскимосами Чукотки, Алеутских островов и даже северо-западной Америки, с другой.

Некоторые авторы (А. П. Окладников⁶⁴, С. И. Руденко⁶⁵, Цубои⁶⁶, Коллинз⁶⁷, Лагуна⁶⁸) неоднократно высказывали мысль о южном влиянии на эскимосов или даже южном их происхождении. С другой стороны, ряд других исследователей (например, М. В. Воробьев⁶⁹) считает, что некоторый расцвет костяной индустрии в раннем дземеоне Японских островов вызван влиянием северной культуры. Трудно сказать, какую точку зрения следует признать более обоснованной. Так же трудно сказать сейчас о формах и характере взаимодействия и взаимовлияния между древними жителями Сахалина и эскимосами. Обитателей Сахалина в эпоху позднего неолита в силу многих причин, в ряду которых на первом месте стоит резкое различие характера материальной культуры их и современных им жителей Японских островов, мы относим не к айнам, а к другому, пока точно не определенному племени. Поэтому возможно объяснить указанные эскимосские элементы в их культуре прямыми связями с эскимосами. Эти связи могли иметь различный характер. Они могли быть генетическими, так как касаются ведущего в хозяйстве жителей Сахалина комплекса морского звероловства, а также единства важного в этом отношении стиля орнаментирования. Могли они быть также интенсивными связями культурного и хозяйственного характера. Эту мысль, как нам кажется, подтверждает наличие в культуре жителей Сахалина в эпоху позднего неолита, наряду с эскимосскими элементами, четких связей с Приморьем и Приамурьем. Решить, какое из этих предположений является наиболее вероятным, смогут лишь последующие археологические и, особенно, палеоантропологические исследования на острове. Сейчас, на первом этапе исследования, мы можем лишь констатировать наличие несомненных эскимосских элементов в культуре древних обитателей Сахалина.

⁶¹ H. Larsen and Fr. Rainey, Указ. раб., стр. 143, рис. 47.

⁶² Там же, стр. 141, рис. 43.

⁶³ S. Tsuboi, Указ. раб.

⁶⁴ А. П. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов его культуре.

⁶⁵ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря.

⁶⁶ S. Tsuboi, Указ. раб.

⁶⁷ H. Collins, Указ. раб.

⁶⁸ Fr. de Laguna, The prehistory of Northeastern North America...

⁶⁹ М. В. Воробьев, Указ. раб.